

Е. Е. Красноженова

Ленинградские дети в условиях оккупации Северо-Запада России в период Великой Отечественной войны

Красноженова

Елена Евгеньевна

д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
политехнический
университет
Петра Великого
(Санкт-Петербург,
Россия)

Финансирование

Исследование
выполнено за счет
гранта Российского
научного фонда
№ 22-28-20189,
[https://rscf.ru/
project/22-28-20189/](https://rscf.ru/project/22-28-20189/) и
Санкт-Петербургского
научного фонда
в соответствии
с соглашением от
15 апреля 2022 г.
№ 62/2022

Оккупация Ленинградской области — особое явление в истории Великой Отечественной войны. Здесь она была длительной, продолжавшейся с августа 1941 г. до середины 1944 г. Из 72 районов области 51 район был оккупирован полностью и 12 — частично¹. Еще до начала войны параллельно с разработкой захватнических планов в Берлине были подготовлены детальные инструкции по осуществлению долговременной оккупации России, ее деиндустриализации, уничтожению крупных городов, сокращению численности населения. Оккупация территории Северо-Запада России рассматривалась нацистскими захватчиками как важнейшее средство укрепления тыла своих войск под Ленинградом. Предусматривалось полное ограбление и разорение областей занятых территорий, что исключало возможность возобновления там в дальнейшем активной хозяйственной деятельности.

Этим обусловлен значительный интерес исследователей к вопросам блокады Ленинграда и оккупации Северо-Запада РСФСР в годы Великой Отечественной войны. В исторических публикациях нашли отражение вопросы руководства блокадным городом², проблемы гражданского населения³, в том числе его продовольственное снабжение⁴ и медицинское обслуживание⁵. Организации кондитерского производства в блокадном Ленинграде посвящено исследование М. В. Ходякова⁶. В нем имеются сведения об обеспечении блокадных детей кондитерскими изделиями. Так, автором отмечено, что сахар и кондитерские изделия выдавались учащимся школ «в количестве 500 г по школьному рациону и 400 г по

усиленному детскому питанию»⁷. Кроме того, кондитерские изделия явились важной составляющей новогодних подарков в школах, детских домах, садах, яслях, домах малютки⁸. Важным исследовательским направлением остается проблема эвакуации гражданского населения, в том числе детей и подростков, из блокадного Ленинграда⁹.

В центре внимания историков — сущность оккупационной политики, проблемы партизанского движения, особенности оккупационной повседневности, положение отдельных категорий населения. Исследователями рассмотрены отдельные стороны оккупационной политики нацистских захватчиков и проанализирована роль государства в борьбе с нацизмом¹⁰. Значительное место в исторических трудах занимают проблемы партизанского движения¹¹.

Отдельным исследовательским направлением явилась проблема детства в условиях блокады и оккупации. В публикациях анализируются военные преступления нацизма против детей и подростков на территории Северо-Запада РСФСР¹², рассмотрены отдельные стороны оккупационной политики против детства¹³. Большое значение в исследовании проблемы принадлежит работам Б. Н. Ковалева. Автор рассматривает различные аспекты деятельности нацистских административных органов в отношении детей и подростков, их идеологическую обработку в условиях оккупации. Значительное внимание уделяется вопросам детского коллаборационизма¹⁴.

Актуальность исследования проблем военного детства на Северо-Западе России в период Великой Отечественной войны определяется жесткой репрессивной политикой, проводимой оккупантами в отношении детей и подростков. Целью статьи является исследование особенностей организации повседневной жизни детей и подростков в условиях оккупации Северо-Запада России в 1941–1944 гг., анализ политики немецко-фашистских оккупационных властей по отношению к ним в экстремальных условиях Великой Отечественной войны.

Исследование основано на документальных источниках центральных и региональных архивов городов Северо-Запада России. Многочисленные акты районных и поселковых комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, справки об истреблении мирного населения, опросные листы лиц, вернувшихся с принудительных работ, списки расстрелянных граждан, заявления местных жителей, протоколы допроса свидетелей и многие другие документы сохранились в фондах Государственного архива Российской Федерации (фонд Р-7021), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (фонды Р-8557 и Р-9421), а также ряда региональных архивов. Эти документы, являясь ценными историческими источниками, позволили автору проанализировать политику немецко-фашистских оккупационных властей по отношению к ленинградским детям и подросткам, оказавшимся на территории Северо-Запада РСФСР в военный период. Архивные материалы отражают трагедию многих тысяч советских граждан, проживавших на оккупированной врагом территории, позволяют глубже понять масштабы и характер преступлений нацистов, способствуют формированию объективных оценок событий военного прошлого.

Информацию о повседневной жизни населения, в том числе детей и подростков, в условиях оккупации содержат документы немецких оккупационных властей, хранящиеся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (фонд 3355). Документы Ленинградского штаба партизанского движения, документы личного происхождения, представленные письмами и воспоминаниями жителей, характеризующие положение различных категорий населения, проживающего на оккупированной территории Северо-Запада России, представлены в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (фонд Р-116 Л).

Дети и подростки использовались оккупантами как дешевая рабочая сила, как доноры для немецких солдат. Дети фактически не получали необходимого обеспечения, медицинской помощи, не имели условий для гармоничного развития. Подростки, начиная с 15 лет, наравне со взрослыми мобилизовались на работы. Так, жителей Слуцкого района в возрасте от 13 до 70 лет посылали работать на дорогу и на стройку. В качестве недельного пайка они получали 1,6 кг хлеба с опилками, 70 г крупы, 70 г масла, 70 г кофе, 70 г сахарного песка¹⁵. Одной из стратегий выживания детей на оккупированных территориях стало выполнение хозяйственных работ для оккупационных властей. Так, В. Т. Абрамов в годы оккупации Пскова был вынужден работать на немецкой кухне¹⁶. Нацистская оккупационная политика приводила к вовлечению детей во взрослые трудовые отношения, что способствовало трансформации детства.

Важнейшей стороной оккупационного режима стала налоговая политика захватчиков. Налогообложению подлежало все гражданское население, в том числе подростки от 15 лет. Так, в постановлении управления Меженского района № 5 от 9 апреля 1942 г. устанавливалось, что все граждане, проживающие на территории района и имеющие коров, обязаны выполнять натуральные поставки молока для нужд больниц, инвалидов домов, германских частей, детей и пр. Каждый владелец коровы был обязан сдать в течение года 100 л молока с одной коровы. Местные жители, уклонявшиеся без уважительных причин от сдачи молока, наказывались штрафом до 200 руб. При длительном уклонении от уплаты налога владельцы коров подвергались аресту до трех дней, а у лиц, злостно не выполняющих обязанности, корова конфисковалась. От поставок молока освобождались матери, имеющие троих детей до шести лет¹⁷. Зимой на гражданское население была возложена обязанность сдачи оккупантам теплой одежды — полушубков, валенок, носков, варежек и т. д. Так, в Волосово каждая семья должна была сдать за плату в 6 марок 1 пару валенок. Колхозы сдавали по 10 пар новых валенок, за каждую пару предусматривалась плата в 12 марок. Несдача валенок каралась изъятием из колхоза коровы¹⁸.

Резкое ужесточение оккупационного режима на Северо-Западе РСФСР было отмечено весной 1942 г. С осени 1942 г. нацисты существенно увеличили размеры налогов, взимаемых с местного населения. Недоимки стали выбивать силой, забирать скот, рождая сильное недовольство селян. Ужесточению оккупационного режима в рассматриваемом регионе способствовало развитие партизанского движения, которое нашло активную поддержку у местного населения. Оккупантами систематически проводились облавы, рейды, проверки.

В городах Северо-Запада России, находящихся в оккупации, подобные рейды повторялись до 10–12 раз в день. Подозрительными считались лица, не проживающие в данном районе. Они сами и их семьи приравнивались к партизанам и подвергались аресту. За укрытие партизан и красноармейцев, за распространение советских газет, листовок, радиосообщений нацисты расстреливали не только взрослых, но и детей. Так, А. Е. Бахова, жительница Пушкина, отмечала, что в сентябре 1941 г. у кинотеатра «Теремок» на ул. 1 Мая был за волосы подвешен мальчик 15 лет — «за партизанство»¹⁹. Среди повешенных у ворот рынка на Красной улице, улице Коннетабля, на пр. 25-го Октября Красногвардейска — женщины и дети 10–12 лет. На груди — таблички: «За связь с партизанами», «За поджог», «За кражу рождественских подарков». На улицах устраивались облавы для выявления уклоняющихся от работы. Проверяли трудовые документы, неработающих отправляли в концлагерь.

Преступления нацистских захватчиков против детей представляют собой особую категорию международных преступлений. Детские судьбы во многом зависели от оккупантов: детей брали в заложники, дети были живым прикрытием в ходе военных операций, они вместе с родителями отправлялись в лагерь на территории Ленинградской области или за ее пределами. Сотни тысяч детей погибли от недоедания, болезней, в ходе боевых действий, от воздушных бомбардировок. Так, свидетели Каретников, Савельев, Лисов рассказали, как Коля Бондарчук просил хлеба, за что немцы ранили его в голову²⁰. В. В. Юрьева сообщала, что летом 1943 г. между Хохловым полем и граммофонной фабрикой немцы бросили в люк со смолой Колю Сикашова за то, что он просил у них хлеба²¹.

Житель Красногвардейска Г. И. Новиков 1877 г. р. отмечал: «Я проживал на ул. Хохлова, 17. Напротив моего дома находится детский дом, в котором проживало 100 детей в возрасте 10–13 лет. Однажды видел, как немец зверски избил детей за то, что они опоздали с возвращением в детдом. В другой раз видел, как немец застрелил мальчика 10 лет, подошедшего к окну и просившего хлеба»²².

Апофеозом нацистской репрессивной политики на оккупированных территориях стала система концентрационных лагерей. Питание в них не обеспечивало даже минимальных потребностей детей и подростков. В лагерях выдавали по 200 г хлеба в день и по литру супа из картофельной шелухи и затхлой муки²³. «Баракы в лагерях были без стекол, не отапливались, на нарах не было никаких подстилок, зимой заключенные замерзали, — сообщается в Акте о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Гатчине Ленинградской области в период временной оккупации. В лагерях содержались наряду со взрослыми маленькие дети и дряхлые старики»²⁴.

18 января 1943 г. войскам Волховского и Ленинградского фронтов удалось прорвать блокаду Ленинграда. Гитлеровским планам уничтожения города был положен конец. Осенью 1943 г. начался поголовный угон населения на запад. Потеряв надежду на захват новых территорий, оккупанты увозили к себе все захваченное в России: уголь и лес, станки и рельсы, лошадей и людей. За уклонение от «эвакуации» вешали и расстреливали. В декабре 1941 г. в Дедо-

вическом районе Ленинградской области было уничтожено 39 сел и деревень, сожжены дома, школы и больницы. Около ста человек были расстреляны за связь с партизанами в деревне Железницы²⁵.

Зимой 1942 г. начался вывоз детей и подростков на принудительные работы в Германию. Для этого создавались детдома-лагеря. В 1942–1943 гг. под депортацию попадали дети в возрасте от 12 лет. Так, девочек, достигших 12 лет, оккупанты набирали для работы в домашнем хозяйстве в качестве служанок²⁶. Дети активно привлекались оккупантами и к разведывательно-диверсионной работе²⁷.

Образовательная политика нацизма также была сопряжена с преступлениями против воспитанников детских учреждений. Так, в деревне Торковичи Оредежского района в феврале 1942 г. перед своим отступлением оккупанты подожгли помещение детского дома с находившимися в нем воспитанниками. Было сожжено 20 малолетних детей, и 10 детей замерзло на улице²⁸. Дети-сироты, находившиеся в лужском детском доме, избивались плетьюми, зимой запирались в холодные помещения. Лебедева (имя и отчество в документе отсутствуют), работавшая воспитателем детского дома в Луге, свидетельствовала о том, что в декабре 1942 г. оккупанты угнали в Германию детей и подростков — воспитанников детского дома: «Дети были отправлены вшивые, грязные, полуголые, в летней одежде, всего 36 человек»²⁹. На это же указывал воспитатель детского дома С. В. Рысев: «В декабре 1942 г. ночью пришли полицейские, отобрали 149 девочек и 22 мальчика, отвели в тюрьму. Через 11 дней их отправили в Эстонию, в лагерь военнопленных. Гоняли на работу наравне со взрослыми, били палками и плетьюми»³⁰.

Все детские учреждения Ленинградской области, которые не были эвакуированы, попали под надзор оккупационных властей. В сфере их внимания оказались еврейские дети. Они отделялись от остальных и подлежали уничтожению или переселению в гетто.

В условиях оккупации детские учреждения постоянно пополнялись. Дети поступали из разных городов и сел, их подбирали работники местного аппарата управления и полицейские. Огромную роль сыграло и массовое обнищание населения, вынуждавшее жителей региона отдавать своих детей в детские дома. Много детей направлялось в детские дома управами, поскольку родители не могли их обеспечить: «Гражданин Теряев Андрей умер 19 октября 1942 г. и после него остались круглые сироты Теряевы Евдокия 15 лет и Антонина 4 лет, без всяких средств к существованию. Теряева Евдокия будет работать и кое-как прокормимся, но содержать сестру совершенно не имеет возможности, а потому прошу Теряеву Антонину устроить в приют»³¹.

Большой приток детей, оставшихся без родителей, вынуждал оккупационные власти открывать новые детские дома. Так, 7 июня 1942 г. детский дом был открыт в Вырице. В детский дом принимались дети от 1 до 5 лет. На каждого ребенка утверждался следующий рацион питания в день: хлеба — 200 г, муки — 35 г, крупы — 28 г, соли — 10 г, сала — 5 г, сахара — 7 г, мяса — 7 г, молока — 0,7 л.³² Например, 14 октября 1942 г. меню питания воспитанников вырицкого детского дома состояло из завтрака (чай с молоком, хлеб с медом),

обеда (щи свежие, тушеное мясо), полдника (молоко с хлебом) и ужина (мучная каша с молоком)³³.

В 1943 г. нормы питания детей были значительно сокращены: 12 марта 1943 г. на завтрак дети получили суп мучной, на обед — щи с овощами и мукой, на ужин — картофель в мундире³⁴. Как свидетельствуют документы, дети, как иждивенцы, получали лишь 150 г хлеба в день³⁵. В. Д. Смирнов (Лейбович), воспитанник лужского детского дома, свидетельствовал: «Кормили там очень плохо — хуже, чем в лагере. Давали по блюдечку вареной требухи. Было очень обидно, когда воспитательница Ирина брала из каждого блюдечка по ложке себе... Хлеб выдавался по маленькому кусочку утром. Одни ребята (и я в том числе) съедали его сразу, другие растягивали до вечера»³⁶.

В результате быстрого продвижения немецких войск по территории Советского Союза были нарушены хозяйственные связи, и руководство детских учреждений столкнулось с проблемой самостоятельного приобретения для детей продовольствия, одежды, предметов первой необходимости. Неоднократно управления, инспекторы детских отделов ходатайствовали перед германскими властями о выделении для детей дополнительно молочных продуктов. Зачастую выделяемое детским учреждениям продовольствие было непригодно для употребления ввиду крайне низкого качества. Так, 7 октября 1942 г. был составлен акт о том, что «доставленный в вырицкий детский дом хлеб в количестве 7,2 кг оказался плесневелым и не пригодным в пищу»³⁷.

Состояние детских домов, садов, яслей не соответствовало санитарным нормам, не позволяло создать нормальные условия для развития и существования детей. Во время эвакуации многие детские учреждения были разграблены, а те помещения, что находились в неплохом состоянии, отдавались под размещение германским солдатам. Так, в период оккупации с 7 ноября по 23 декабря 1943 г. немецкими войсками было полностью разрушено здание Теребоченской начальной школы, мебель и оборудование разграблено и уничтожено³⁸. В Сланцевском районе не работала ни одна школа. Школьные здания были превращены в складские помещения и казармы карательных отрядов³⁹. Были уничтожены здания Хотовогорской, Веретьевской, Славковской и других школ Ленинградской области.

Продовольственные проблемы детских учреждений осложнялись неудовлетворительным медицинским обслуживанием их воспитанников. Недостаток продовольствия привел к увеличению числа больных, слабых и истощенных детей, к распространению инфекционных заболеваний. В медицинском журнале вырицкого детского дома распространенными диагнозами были: «слабый», «сильное истощение», «нуждается в витаминах». Так, Владимир Пугачев, поступивший в детский дом в возрасте одного года, был «вялый, истощен, самостоятельно не сидел, нуждался в витаминах»⁴⁰. Среди детей чаще всего фиксировались чесотка, тиф, диспепсия и т. д. При отсутствии необходимых лекарств, медицинского обслуживания эти болезни приобретали размеры эпидемий в пределах одного детского учреждения и приводили к высокой смертности.

Важнейшим звеном в системе образования и воспитания детей и подростков оставались школы. Сеть школ на Северо-Западе РСФСР в условиях

оккупации резко сократилась. Так, до войны в Порховском районе Ленинградской области работало более ста школ. В период оккупации захватчики открыли в районе 20 начальных и 1 среднюю школу⁴¹. Работали школы и в других районах области. Например, в первый класс школы, действовавшей в Вырице, принимались дети в возрасте от 11 до 13 лет, выдержавшие устные и письменные экзамены по русскому языку и арифметике. Обучение в гимназии было платным: для учеников 1–4-х классов его стоимость составляла 100 руб. в год, для 5–8-х классов — 200 руб. в год с оплатой вперед по четвертям⁴². За учащимися сохранялись хлебные карточки, во время учебных занятия они обеспечивались завтраками⁴³.

Во всех образовательных учреждениях запрещались советские книги и учебники. Разрешалось использовать только сказки дореволюционных изданий. Из школьной программы по идеологическим мотивам были изъяты история и конституция. На уроках пения запрещались советские песни. В школы вводилось преподавание Закона Божьего и немецкого языка.

Попытки организовать обучение детей в начальной школе с преподаванием Закона Божьего и немецкого языка на территории Ленинградской области успеха не имели из-за саботажа со стороны местного населения. Часть детей открыто отказывалась от занятий, другая часть, не решаясь открыто заявить об отказе, называла себя староверами и на этом основании была освобождена от Закона Божьего⁴⁴.

В детских учреждениях значительное внимание уделялось трудовому воспитанию. Подросток должен был приобрести какую-либо профессию, чтобы с 14–16 лет его можно было задействовать на предприятии. Поэтому при детдомах и школах открывали мастерские, где дети учились обувному, пошивочному делу, плетению, получали навыки лесоруба, работали на приусадебных участках и т. д.

Посещаемость школ в условиях оккупации была крайне низкой. Причины плохой посещаемости состояли в неготовности помещений школ к занятиям, отсутствие в них ремонта и школьных принадлежностей: «Мелу нет, чернил нет, тетрадей и карандашей нет, не говоря уже о каких-либо наглядных учебных пособиях»⁴⁵. Кроме того, дети не посещали школы ввиду крайнего истощения и отсутствия одежды и обуви.

Встречались случаи, когда родители не посылали детей в школу, а некоторые дети сами уклонялись от ее посещения. Необходимо отметить, что хлебные карточки на детей школьного возраста от 8 до 13 лет во многих школах области выдавались только по справкам о посещаемости, выдававшимся в школах. Так, дети, уклонявшиеся от посещения вырицкой школы в 1942 г., лишались хлебных карточек на 300 г хлеба на срок от 10 дней до 1 месяца, а их родители подвергались штрафу в размере до 300 руб.⁴⁶ Ученики, нарушающие дисциплину в школе, несли следующие наказания: при первом нарушении дисциплины вместо 300 г хлебной карточки выдавалась карточка на 150 г хлеба; при втором нарушении учащиеся лишались хлебных карточек на различные сроки в зависимости от проступка⁴⁷.

Несмотря на крайне тяжелые условия, многие учителя продолжали образовательную и воспитательную работу среди детей и подростков. Так, Е. В. Васильева рассказывала: «Я все же достала советские учебники, по которым и обучаю детей»⁴⁸.

Среди учителей оккупанты провели чистку, и многие из них, как не оправдавшие доверие германской армии, были изгнаны из школы, многие были повешены или расстреляны. Так, в деревне Кривино Тосненского района Ленинградской области оккупанты зверски убили учителя Воробьева за то, что он «учил детей в коммунистическом духе»⁴⁹. За слушание советских радиопередач в Порховском районе был повешен учитель Сухоруков, который воспитывал детей «в советском духе»⁵⁰.

Новые учителя принимались по поручению волостных старшин. Так, Рождественский — учитель Логовенской сельской школы Порховского района — выдал оккупантам красноармейца и председателя Логовенского сельсовета. Красноармейцев он пригласил к себе, накормил, спрятал, а затем привел немцев⁵¹. Олег Травинский — учитель Вошьшевской средней школы Порховского района, добровольно пошел на службу к оккупантам и выдал им комсомольцев района⁵². Зарботная плата постоянных учителей начальных школ и сельских дополнительных школ составляла 600 руб. из расчета проведения педагогами не менее 30 уроков в неделю⁵³.

Таким образом, условия оккупации оказали значительное влияние на детей и подростков. Голод, потеря близких, угон на принудительные работы и массовые казни стали содержанием их повседневной жизни. На детей были возложены несвойственные им ранее функции, такие как поиск продовольствия, выполнение принудительных работ, что неизбежно приводило к трансформации самого понятия детства. Жестокость по отношению к населению, в том числе к детям и подросткам, предусматривалась в главных документах вермахта, являлась заранее продуманной преступной политикой нацистского режима, ответственность за которую не имеет срока давности.

¹ В годы суровых испытаний. Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Л., 1985. С. 304.

² *Болдовский К. А.* Руководящие кадры блокадного Ленинграда в номенклатуре ЦК ВКП(б) // *Новейшая история России.* 2022. Т. 12, № 4. С. 840–852.

³ *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Противоборство жизни и смерти: некоторые итоги изучения истории блокады Ленинграда // *Новейшая история России.* 2021. Т. 11, № 2. С. 294–323; *Болдовский К. А.* Ленинград в декабре 1941 года // Там же. 2019. Т. 9, № 1. С. 70–82; *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. СПб., 2002.

⁴ *Гаврилова О. А., Ходяков М. В.* Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // *Новейшая история России.* 2016. № 2 (16). С. 44–67.

⁵ *Твердюкова Е. Д.* Ленинградский городской отдел здравоохранения и Военно-санитарное управление Ленинградского фронта: проблемы взаимодействия в 1941–1942 годах // *Новейшая история России.* 2020. Т. 10, № 4. С. 864–874.

⁶ *Ходяков М. В.* Кондитерское производство в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Там же. 2022. Т. 12, № 4. С. 812–839.

⁷ Там же. С. 832.

⁸ Там же. С. 833.

⁹ Газиева Л. Л.: 1) Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944. СПб., 2014; 2) Работа Наркомпроса РСФСР в 1942–1943 гг. по нормализации жизнедеятельности детских учреждений, эвакуированных из Ленинграда // Клио. 2013. № 2 (74). С. 71–73; 3) Организация эвакуации ленинградских детей в 1941 г. (по материалам государственных архивов) // Там же. № 8 (80). С. 63–66; Асташкин Д. Ю. Гибель ленинградских детей при реэвакуации из Ленинградской области: обстрел станции Лычково 18 июля 1941 года // Новгородский исторический сборник. 2019. Т. 18 (28). С. 275–284; Пянкевич В. Л., Чистиков А. Н. Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября — начале декабря 1941 г. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 1. С. 56–69.

¹⁰ Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и Северо-Запада России в 1941–1944 гг. / под ред. Е. Е. Красноженовой, А. И. Корсака. СПб., 2022; Асташкин Д. Ю., Ковалев Б. Н., Кулик С. В. Нацистский режим на Северо-Западе России. Оккупация. Сопротивление. Возмездие. СПб., 2018.

¹¹ Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941–1944. Л., 1973; Кулик С. В. Антифашистское движение Сопротивления в России. 1941–1944 гг. (проблемы политического и идеологического противоборства). СПб., 2006.

¹² Красноженова Е. Е., Асташкин Д. Ю. Преступления против детства на Ленинградском судебном процессе (27 декабря 1945 — 4 января 1946 г.) // Вопросы истории. 2022. № 7–1. С. 70–82.

¹³ Красноженова Е. Е. «Детства больше не было»: детская повседневность в период оккупации Северо-Запада России (1941–1944 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 4 (69). С. 51–57; Асташкин Д. Ю. Ленинградские дети на оккупированной Новгородской земле: мемуары Капы Захаровой // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4 (43). С. 389–392.

¹⁴ Ковалев Б. Н.: 1) Детские дневники как источник по истории блокады Ленинграда // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4 (43). С. 417–421; 2) Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М., 2004.

¹⁵ Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 9421. Оп. 1. Д. 198. Л. 3–4.

¹⁶ Детство с нашивкой «OST»: сб. воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей / ред. Александр Сазанов. СПб., 2000. С. 27–28.

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 3355. Оп. 4. Д. 95. Л. 14–15.

¹⁸ Там же. Л. 15.

¹⁹ Там же. Ф. 8557. Оп. 6. Д. 1091. Л. 14.

²⁰ Там же. Ф. 9421. Оп. 1. Д. 81. Л. 54.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Ленинградский областной государственный архив в городе Выборге. Ф. Р-1249. Оп. 1. Д. 169. Л. 79–85.

²⁴ Там же.

²⁵ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. Р-116Л. Оп. 9. Д. 126. Л. 17.

²⁶ ЦГА СПб. Ф. 3355. Оп. 12. Д. 18. Л. 2.

²⁷ Красноженова Е. Е., Кулинок С. В. К вопросу об использовании немецкой разведкой гражданского населения СССР в 1941–1944 годах // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 3. С. 611.

²⁸ Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф. 147. Оп. 3. Д. 65. Л. 2–8.

²⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 30. Д. 164. Л. 4.

³⁰ ЦГА СПб. Ф. 9421. Оп. 1. Д. 131. Л. 133.

³¹ Там же. Ф. 3355. Оп. 10. Д. 74. Л. 66.

³² Там же. Д. 69. Л. 4.

³³ Там же. Д. 82. Л. 26 об.

- ³⁴ Там же. Л. 53 об.
³⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 Л. Оп. 2. Д. 35. Л. 32 об.
³⁶ *Иванова И. А.* За блокадным кольцом. (Воспоминания). СПб., 2010. С. 152.
³⁷ ЦГА СПб. Ф. 3355. Оп. 10. Д. 69. Л. 4.
³⁸ Там же. Ф. 8557. Оп. 1. Д. 23. Л. 67.
³⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 Л. Оп. 8. Д. 36. Л. 174.
⁴⁰ ЦГА СПб. Ф. 3355. Оп. 10. Д. 75. Л. 12 об.
⁴¹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 Л. Оп. 8. Д. 36. Л. 90 об.
⁴² ЦГА СПб. Ф. 3355. Оп. 10. Д. 193. Л. 1–2.
⁴³ Там же. Д. 193. Л. 1–2.
⁴⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 Л. Оп. 8. Д. 36. Л. 231.
⁴⁵ Там же. Оп. 2. Д. 106. Л. 77.
⁴⁶ ЦГА СПб. Ф. 3355. Оп. 10. Д. 193. Л. 1–2.
⁴⁷ Там же. Л. 6.
⁴⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 Л. Оп. 2. Д. 106. Л. 78.
⁴⁹ Там же. Оп. 8. Д. 36. Л. 9.
⁵⁰ Там же. Л. 92 об.
⁵¹ Там же. Л. 91 об.
⁵² Там же. Л. 92.
⁵³ *Ковалев Б. Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. С. 62.

Статья поступила в редакцию 8 мая 2023 г.
Рекомендована к печати 10 октября 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Красноженова Е. Е. Ленинградские дети в условиях оккупации Северо-Запада России в период Великой Отечественной войны // *Новейшая история России.* 2024. Т. 14, № 1. С. 33–44. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.102>

Аннотация: Статья посвящена проблеме военного детства в условиях оккупации Северо-Запада РСФСР (1941–1944 гг.). Актуальность исследования проблем военного детства на территории рассматриваемого региона в военный период определяется жесткой репрессивной политикой, проводимой оккупантами в отношении детей и подростков. Целью статьи является изучение особенностей организации их повседневной жизни в условиях оккупации Северо-Запада России в период Великой Отечественной войны. Работа основана на документах центральных и региональных архивов. В первую очередь это акты районных и поселковых комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, докладные отчеты, справки, сводки, свидетельские показания. В статье показаны особенности нацистской оккупационной политики и преступления против детства на территории Северо-Запада России в период Великой Отечественной войны. Отмечены проблемы в области продовольственного обеспечения и медицинского обслуживания детей и подростков, что неизбежно приводило к увеличению числа больных, слабых и истощенных детей, к распространению инфекционных заболеваний. Показаны особенности функционирования детских домов и школ в условиях оккупации региона, представлены мероприятия оккупационных властей в области организации учебного процесса. Дети и подростки фактически не получали необходимого обеспечения, медицинской помощи, не имели условий для гармоничного развития. Они использовались оккупантами как дешевая рабочая сила, как доноры для немецких солдат. На детей и подростков были возложены не свойственные им ранее функции, такие как поиск продовольствия, выполнение принудительных работ на оккупантов, что неизбежно приводило к трансформации самого понятия детства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северо-Запад, РСФСР, Ленинградская область, оккупация, гражданское население, дети, оккупационный режим, повседневность.

Сведения об авторе: Красноженова Е. Е. — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия); eleena@inbox.ru

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

FOR CITATION

Krasnozhenova E. E. 'Leningrad Children in the Conditions of the Occupation of the North-West of Russia during the Great Patriotic War', *Modern History of Russia*, vol. 14, no. 1, 2024, pp. 33–44. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.102> (In Russian)

Abstract: The article is devoted to the problem of military childhood in the conditions of the occupation of the North-West of the RSFSR (1941–1944). The relevance of studying the problems of military childhood on the territory of the region under consideration during the war period is determined by the harsh repressive policy pursued by the occupiers in relation to children and adolescents. The purpose of the article is to study the features of the organization of their daily life in the conditions of the occupation of the North-West of Russia during the Great Patriotic War. The work is based on documents from central and regional archives. First of all, these are acts of district and village commissions for investigating the atrocities of the Nazi invaders, reports, certificates, summaries, testimonies. The article shows the features of the Nazi occupation policy and crimes against childhood in the North-West of Russia during the Great Patriotic War. Problems were noted in the field of food supply and medical care for children and adolescents, which inevitably led to an increase in the number of sick, weak and malnourished children, and to the spread of infectious diseases. The features of the functioning of orphanages and schools under the conditions of the occupation of the region are shown, the activities of the occupation authorities in the field of organizing the educational process are presented. Children and adolescents actually did not receive the necessary provision, medical care, and did not have the conditions for harmonious development. They were used by the invaders as cheap labor, as donors for German soldiers. Children and adolescents were entrusted with previously uncharacteristic functions, such as searching for food, performing forced labor for the occupiers, which inevitably led to the transformation of the very concept of childhood.

Keywords: Great Patriotic War, North-West, RSFSR, Leningrad region, occupation, civilian population, children, occupation regime, everyday life.

Author: Krasnozhenova E. E. — Dr. Sci. in History, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia); eleena@inbox.ru

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29, ul. Politekhnicheskaya, St. Petersburg, 195251, Russia

This research has been supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/> and by the St. Petersburg Scientific Foundation in accordance with the agreement no. 62/2022 dated April 15, 2022.

References:

- Astashkin D. Yu. 'Leningrad children in the occupied Novgorod region: Memoirs of Kapa Zakharova', *Memoirs of NovSU*, no. 4 (43), 2022. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.4\(43\).389-392](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.4(43).389-392) (In Russian)
- Astashkin D. Yu. 'The death of Leningrad children during re-evacuation from the Leningrad region: The shelling of the Lychkovo station on July 18, 1941', *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, vol. 18 (28), 2019. (In Russian)
- Astashkin D. Yu., Kovalev B. N., Kulik S. V. *The Nazi regime in the North-West of Russia. Occupation. Resistance. Retribution* (St. Petersburg, 2018). (In Russian)
- Boldovskiy K. A. 'Leningrad in December, 1941', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 1, 2019. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.104> (In Russian)
- Boldovskiy K. A. 'The Cadres of Besieged Leningrad on the Nomenclature Lists of the Central Committee of the ACP(b)', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 4, 2022. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.402> (In Russian)
- Gavrilova O. A., Khodjakov M. V. 'The Manufacturing of Ration Cards in the Besieged City of Leningrad, 1941–1943', *Modern History of Russia*, no. 2, 2016. (In Russian)

- Gazieva L. L. 'Organization of the evacuation of Leningrad children in 1941 (based on the materials of state archives)', *Klio*, no. 8 (80), 2013. (In Russian)
- Gazieva L. L. *The struggle for the salvation of children and adolescents in besieged Leningrad. 1941–1944* (St. Petersburg, 2014). (In Russian)
- Gazieva L. L. 'Work of the People's Commissariat for Education of the RSFSR in 1942–1943 on the normalization of the life of children's institutions evacuated from Leningrad', *Klio*, no. 2 (74), 2013. (In Russian)
- Ivanova I. A. *Behind the siege ring (Memories)*. (St. Petersburg, 2010). (In Russian)
- Khodjakov M. V. 'Confectionery Production in Besieged Leningrad. 1941–1943', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 4, 2022. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.401> (In Russian)
- Kovalev B. N. 'Children's diaries as a source on the history of the Siege of Leningrad', *Memoirs of NovSU*, no. 4 (43), 2022. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.4\(43\).417-421](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.4(43).417-421) (In Russian)
- Kovalev B. N. *The Nazi occupation and collaboration in Russia. 1941–1944* (Moscow, 2004). (In Russian)
- Krasnozhenova E. E. "'Gone childhood": children's everyday life during the occupation of North-West Russia (1941–1944)', *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, no. 4 (69), 2021. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2021-69-4-051-057> (In Russian)
- Krasnozhenova E. E., Astashkin D. Yu. 'Crimes against childhood at the Leningrad trial (December 27, 1945 — January 4, 1946)', *Voprosy istorii*, no. 7–1, 2022. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi09> (In Russian)
- Krasnozhenova E. E., Kulinok S. V. 'On the Question of Using the Civilian Population of the USSR by German Intelligence in 1941–1944', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 3, 2020. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.304> (In Russian)
- Kulik S. V. *Anti-Fascist Resistance movement in Russia. 1941–1944 (problems of political and ideological confrontation)* (St Petersburg, 2006). (In Russian)
- People and Power: Occupiers, Collaborators and Partisans on the Border Territory of Belarus and North-West Russia in 1941–1944*, ed. by E. E. Krasnozhenova, A. I. Korsak (St. Petersburg, 2022). (In Russian)
- Lomagin N. A. *Unknown blockade* (St. Petersburg, 2002). (In Russian)
- Petrov Yu. P. *Partisan movement in the Leningrad region. 1941–1944* (Leningrad, 1973). (In Russian)
- Piankevich V. L., Chistikov A. N. 'Along the Lake on Foot: The Evacuation of the Population from Leningrad in late November and early December, 1941', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 1, 2019. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.103> (In Russian)
- Sobolev G. L., Khodjakov M. V. 'The Confrontation Between Life and Death: Some Results of Studying the History of the Siege of Leningrad', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 2, 2021. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.201> (In Russian)
- Tverdyukova E. D. 'Leningrad City Health Department and Leningrad Front Military Sanitary Department: Problems of Interaction in 1941–1942', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 4, 2020. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.403> (In Russian)

Received: May 8, 2023

Accepted: October 10, 2023